

РАЗДЕЛ IV. Философия литературы

ББК 83.3(2)

УДК 82.02/09.

Н. А. Царева¹

*Дальневосточный технический
рыбохозяйственный университет
nadezda58@rambler.ru*

ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ ДРУГОГО В КОНТЕКСТЕ РАЗМЫШЛЕНИЙ ВЯЧ. ИВАНОВА О ПРИРОДЕ ИСКУССТВА

Поиск путей общественной интеграции в настоящий период обуславливает особое внимание к осознанию человеческой идентичности. Важность осмысления себя через Другого признается многими отечественными и зарубежными мыслителями. Современному человеку, живущему в век потребительской культуры, чтобы понять глубинную сущность бытия, человеческой души, своей и другой, необходимо суметь вдуматься, вчувствоваться в «со-бытие» Другого. Поэтому представляются интересными размышления русских символистов о возможностях осознания своей сущности в сравнении с Другим, как то, что отлично от Другого.

В русском символизме проблема осознания себя через Другого рассматривается в контексте понимания символической природы искусства, признании аполлоновского и дионисийского типов творчества. В символистском искусстве совершается реальное переживание «Я» – Другой. Дионисийская идея трактуется Ивановым как пробуждение сознания в личности: ряд внутренних состояний у каждого человека предстает как Другой. Дионисийская стихия, несмотря на ее порывы и безумия, является «организующимся хаосом», она изменяет структуру сознания «Я».

Понятие Другого в учении Иванова рассматривается в двух значениях: Другой как инаковость (другое вообще) и Другой как другое лицо моего «Я». Оба понятия объединяет идея самопонимания индивида. Понятия сосуществуют, объясняя друг

¹ Царева Надежда Александровна, доктор философских наук, профессор, Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный университет, Владивосток, Россия

друга: инаковость Другого открывается через понимание себя и наоборот. Основная мысль рассуждений Вяч. Иванова: человек для самосознания должен постоянно стремиться понять Другого, который находится не только рядом, но внутри собственного мира личности.

Представления Иванов об искусстве как средстве преодоления человеком грани своего личного и человеческого сознания и соединения с Другим, природой, миром могут стать одним из направлений в поиске путей самоосознания.

Ключевые слова: проблема Другого, русский символизм, природа искусства, Вяч. Иванов

В современную эпоху столкновения цивилизаций, кризиса техногенного общества, духовного кризиса и т. д. нарастает потребность предотвращения конфликта цивилизаций, и все больше ощущается необходимость межкультурного диалога. Проблема взаимодействия культур в конечном счете упирается в проблему человека: его способности к диалогу, к пониманию Другого. На этом пути возможно преодоление духовного кризиса отдельного человека и всего общества в целом.

В философской и художественной мировой мысли проблема понимания Другого рассматривалась глубоко и многоаспектно. В самом широком смысле понятие «Другого» трактовалось как возможность субъекта через познание Другого открыть свое «Я». В конце XIX–XX вв. в русской литературе особое внимание к проблеме Другого обусловлено кризисом всех сфер общества. Характерным состоянием духовной сферы стал кризис внутреннего порядка, состояние человеческого отчуждения. Человек в желании отгородиться от чуждой и враждебной реальности осознанно выбирал жизнь «внутри себя». Отчуждение себя от жизненных реалий означало погружение только в свои внутренние состояния. Но вне общества, вне Другого невозможно познать свое «Я», осознать свою индивидуальность.

Как художественное направление русский символизм был сфокусирован прежде всего на искусстве. Все остальные проблемы осмысливались через призму искусства. Решение проблемы Другого как возможности осознания себя в символизме тесно связано с представлениями об искусстве. Понимание проблемы Другого в учении Вяч. Иванова имеет несколько аспектов.

Прежде всего, оригинальность видения проблемы Другого обусловлена представлениями Иванова о символической природе искусства. Символ в искусстве является инструментом, открывающим иное бытие, отличное от эмпирического мира. Художественное произведение создает рационально необъяснимую возможность встречи «Я» с Другим. Символ становится проводником «Я» к Другому. В сознании человека возникает другая реальность, в которой совершается переживание Другого, понимание Другого, и через Другого происходит осознание своего «Я». Искусство становится механизмом, раскрывающим новые горизонты «Я» через понимание Другого.

Индивидуальное «Я», по Иванову, как центральный элемент структуры личности определяет ее развитие. Становление личности есть эволюция индивидуального «Я». Но совершенствование индивидуальности Иванов не ограничивает процессом рационального познания объективного мира. «Я» индивидуальности создается в процессе расширения личности. Внерациональная природа символистского искусства позволяет личности проникнуть в глубины своего сознания и через самоотчуждение увидеть свое «Я» как другого субъекта. Происходит признание чужого бытия, которое «перестает быть для меня чужим, «ты» становится для меня другим обозначением моего субъекта. «Ты еси» – значит не «ты познаешься мною, как сущий», а «твое бытие переживается мною, как мое», или: «твоим бытием я познаю себя сущим» [4, 414]. В искусстве осуществляется творческий процесс постижения себя, Другого, общего, божественного.

Особое видение Ивановым роли Другого в процессе осознания собственной идентичности связано с размышлениями символиста об аполлоновском и дионисийском типе творчества.

Иванов трактует дионисийское начало как категорию стихии в русле классического понимания искусства. Дионисийская стихия, в самом широком смысле, олицетворяет стихийные силы природы, создающие и преобразующие. В искусстве дионисийская стихия тесно переплетается с представлением о процессе творчества. Воображение, инициируемое искусством, пробуждает внерациональное сознание, инициирует погружение личности в бессознательное, открывает иное бытие и сознание Другого, и способно обновить не только личность, но и реальный мир.

Преобразующая сила искусства связывается Ивановым с дионисийским началом. Преодоление индивидуализма возможно на пути внутреннего познания «Я». Преодоление страстей, преобразование хаоса, переживание и очищение – это

психологические состояния пафоса и катарсиса, которые рождает искусство. В состоянии катарсиса преодолеваются границы личного сознания, исчезают пределы «Я», отделяющие от Другого, происходит внутреннее познание «Я». Дионисийское искусство несет идею очищения от страстей, оно способно создать восторг, ввергнуть человека в безумие и избавить от него: «ужас оргий снимался погружением в их стихию» [6, 167]. В искусстве культ Диониса открывает возможность проникновения в глубины своего я. Переживание «Я» есть путь постижения трансцендентного бытия, позволяющий по-новому увидеть реально существующую действительность. Эмоциональный взрыв, который испытывает человек в дионисийском экстазе, Иванов называет состоянием «правого безумствования». В этот момент происходит постижение божественного, «проникновение во всеединство страдания», означающее преодоление границ эмпирического мира. «Быть может, поколения еще испытают то священное безумие, в котором человек учится осознавать себя как не-я и создавать мир как я, живым обретает себя впервые в живой природе, божественным в единстве божественном, страдающим в Боге страдающем» [2, 325]. Суть дионисийской идеи, по Иванову, заключается в стирании границ сознания «Я», преград в познании сверхреального мира. Искусство рождает преображенную, свободную личность.

Дионисизм в концепции Иванова имеет еще одно значимое наполнение. В искусстве открывается горизонт постижение «Я». Изменение сознания «Я» происходит не только через понимание Другого вне меня (другого субъекта), но и через Другого в моем сознании, моего другого «Я».

Дуалистическая особенность человека определяется его способностью восприятия внутреннего и внешнего, метафизического и эмпирического бытия. Окружающий мир человеку открывают рациональные методы познания. Постигание внутреннего метафизического бытия происходит через сознание человека, погружения в его внутренние глубинные пласты. Наряду с переживанием трансцендентного мира участвуют картины мира эмпирического. Реальное и метафизическое сплетаются в одном пространстве сознания. Искусство создает мироощущение, в котором «трансцендентное для нас сделалось имманентным, а имманентное для нас в некоторой своей части трансцендентным» [4, 414].

Цель искусства, в представлении Иванова, заключается в открытии внутреннего мира человека, изображении его души, ее имманентных состояний «субстанциальности мистических

глубин» [4, 440]. Художник способен проникнуть в метафизические глубины сознания человека, показать, как в структуре сознания противостоят сознательное и бессознательное. Деятельность человека, его поступки во многом обусловлены его бессознательным. Решение принимается «не в разумении и не в памяти, а в самом существе человеческого Я может освободить его и от его свойства: тогда человек теряет душу свою, отпускает от себя душевный лик свой и забывает имя свое; он продолжает дышать, но ничего своего уже не желает, утонув в мировой или мирской соборной воле, в ней растворяется всецело и из нее мало-помалу опять как бы собирается, осаждается в новое воплощенное Я» [4, 444]. Возможность преодоления своего бессознательного начала Иванов видит в постижении «Я» через Другого. Самопознание человека происходит в его диалоге с Другим.

Человеческая сущность проявляется во внутренней метафизической сфере бытия. Личность, по Иванову, есть синтез троичного «Я». Прежде всего, это христианская сущность человека: «его святое святых, цель его постижения и предел приближения, божественное средоточие микрокосма» [5, 86]. «Я» второе находится в границах его физической сущности, его эмпирического существования. «Я» третье, принадлежащее всей вселенной, Иванов называет «Все-я».

В диалоге с Другим, христианским, вселенским формируется единство личности, единство микрокосма с макрокосмом. В художественной форме утверждая антропный принцип существования вселенной, Иванов пишет о связи человека с вселенной как основной закономерности человеческого бытия. Ощущение и переживание связи с макрокосмом происходит не на рациональном, а на метафизическом уровне. Человек ищет объяснения в «... истолковании всего из себя. Во имя этой связи он, созерцая бесконечный мир, говорит ему: «ты – я». С тем же правом, с каким Дух Макрокосма, озирая себя бесчисленными своими очами, говорит человеческой монаде: «ты – я» [5, 87]. Вслед за Вл. Соловьевым, утверждающим идею Всеединства, Иванов понимает человека как «двойника, отпавшего от Единого», и стремящегося к возвращению изначального единства.

Искусство открывает путь осознания человеком единства микрокосма, понимания связи «Я» с Другим, божественным, вселенским. «Когда современная душа снова обретет «Ты» в своем «я», как его обрела душа древняя в колыбели всех религий, тогда она постигнет, что микрокосм и макрокосм тождественны, – что мир

внешний дан человеку <...> для раскрытия его микрокосма» [3, 94]. Становление человека, рождение новой культуры происходят, когда он сознает в себе, в своем «я» микрокосм. Это познание противоположно эмпирическому, рациональному знанию. Наука, чистый разум не могут раскрыть внерациональную сущность «Я», потому что это внутреннее познание, рождающееся в становлении через жертвенность, творчество и любовь.

Символическая природа искусства, активизируя воображение человека, инициирует создание пространства, в котором человек встречается с Другим, сопоставляет себя с Другим для понимания своего «Я».

Таким образом, в работах Иванова понятие Другого содержит два глубоких смысла: Другой как инаковость (другой субъект, другое вообще) и Другой как другое лицо моего «Я». Эти аспекты понятия объясняют, дополняют друг друга, они сфокусированы на идее самопознания, самосовершенствования человека: понимание себя происходит через инаковость Другого и наоборот. Иванов убежден, что, открывая субъекту иную силу внутри его собственного мира, Другой представляет ему возможное другое начало мира.

Идея Иванова о самосознании «Я» через Другого, который находится не только рядом, но внутри собственного мира личности актуализируется современными мыслителями. В размышлениях теоретика постмодернизма Ж. Бодрийера звучит мысль об исчезновении собственного «Я» при отсутствии Другого: «Сейчас нет отчуждения и нет Другого, и это серьезное катастрофическое положение. Нужен другой субъект для субъекта. Нет Другого, то нет и Вас» [7, 183]. В сравнении себя с другими, в диалоге с Другим в самом себе можно познать свою сущность, и она будет понята только относительно Другого, как то, что отлично от Другого.

Литература

1. Иванов, В. Дионис и прадионисийство / В. Иванов. – М.: Наука, 1989. – 382 с.
2. Иванов, В. Эллинская трагедия страдающего бога / В. Иванов. – М.: Наука, 1989. – 386 с.
3. Иванов, Вяч. Ты Еси // Родное и вселенское / Вяч. Иванов. – М.: Республика, 1994. – С. 83–96.
4. Иванов, Вяч. Достоевский и роман-трагедия / Вяч. Иванов // Родное и вселенское. – М.: Республика, 1994. – С. 306–418.
5. Иванов, Вяч. Спорады / Вяч. Иванов // Родное и вселенское. – М.: Республика, 1994. – С. 82–96.

6. Иванов, Вяч. Две стихии в современном символизме / Вяч. Иванов // Родное и вселенское. – М.: Республика, 1994. – С. 121–177.
7. Непосредственное знакомство: П. Рикер, Ж. Бодрийяр на философском факультете / Ред. Колесникова А. С. // Мысль. Вып. 1. Философия в преддверии XXI столетия: сб. ст. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского философского общества, 1997. – С. 178–185.

References

1. Ivanov, V. Dionis i pradiionisiystvo. – Moscow: Nauka, 1989. – 382 s.
2. Ivanov, V. Ellinskaya tragediya stradayuschego boga. – Moscow: Nauka, 1989. – 325 s.
3. Ivanov, Vyach. Tyi Esi // Rodnoe i vselenskoe. – Moscow: Respublika, 1994. – С. 83–96.
4. Ivanov, Vyach. Dostoevskiy i roman-tragediya // Rodnoe i vselenskoe. – Moscow: Respublika, 1994. – С. 306–418.
5. Ivanov, Vyach. Sporadyi. // Rodnoe i vselenskoe. – Moscow: Respublika, 1994. – С. 82–96.
6. Ivanov, Vyach. Dve stihii v sovremennom simbolizme // Rodnoe i vselenskoe. – Moscow: Respublika, 1994. – С. 121–177.
7. Neposredstvennoe znakomstvo: P. Riker, Zh. Bodriyyar na filosofskom fakultete // Myisl. Filosofiya v preddverii XXI stoletiya: Sb. st. – Sankt-Peterburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo filosofskogo obshchestva, 1997. – С. 178–185.

THE PROBLEM OF UNDERSTANDING ANOTHER IN THE CONTEXT OF VYAC. IVANOV REFLECTIONS ABOUT THE NATURE OF ART

N. A. Tsareva

Doctor of Philology,

Far Eastern Technical State University of Fishery
(Vladivostok, Russia)

Abstract

The search for ways of social integration in the present period determines special attention to the awareness of human identity. The importance of understanding oneself through the Other is recognized by many domestic and foreign thinkers. A modern person living in the age of consumer culture, in order to understand the deep essence of being, the human soul, his own and the other, you need to be able to ponder, feel into the «co-being» of the Other.

Therefore, it is interesting to think of the Russian Symbolists in the possibilities of realizing their essence in comparison with the Other, as something that is different from the Other.

In Russian symbolism, the problem of self-awareness through the Other is viewed in the context of understanding the symbolic nature of art, recognizing the Apollonian and Dionysian types of creativity. In the symbolic art, the real experience of «I» – the Other is accomplished. The Dionysian idea is interpreted by Ivanov as the awakening of consciousness in the personality: a number of inner states of each person appear as Other. The Dionysian element, despite its impulses and madness, is «organizing chaos», it changes the structure of the consciousness «I».

The concept of the Other in Ivanov's teaching is considered in two meanings: The other as the otherness (the other in general) and the Other as the other face of my «I». Both concepts are united by the idea of individual self-understanding. Concepts exist, explaining each other: the otherness of the Other will be revealed through understanding of oneself and vice versa. The main thought reasoning Vyach. Ivanova: a person for self-consciousness should constantly strive to understand the Other, who is not only near, but within his own world of personality.

Ivanov's ideas about art as a means of overcoming by a human face of his personal and human consciousness and connection with of the Other, nature, the world can become one of the directions in the search for ways of self-awareness.

Keywords: the problem of the Other, Russian symbolism, the nature of art, Vyach. Ivanov

Поступила в редакцию 10.02.2019